

Дора Штурман

“...А это

самое

начало...”

© Дора Штурман

All rights reserved

Все права принадлежат автору

ISBN 965-7088-12-7

Художник - Татьяна Будорагина

Издательство "Земля за холмом"

ПЕСНИ О ДРУЖБЕ

В родстве со всем, что есть, уверясь
И зная с будущим в быту,
Нельзя не впасть в конце, как в ересь,
В неслыханную простоту.

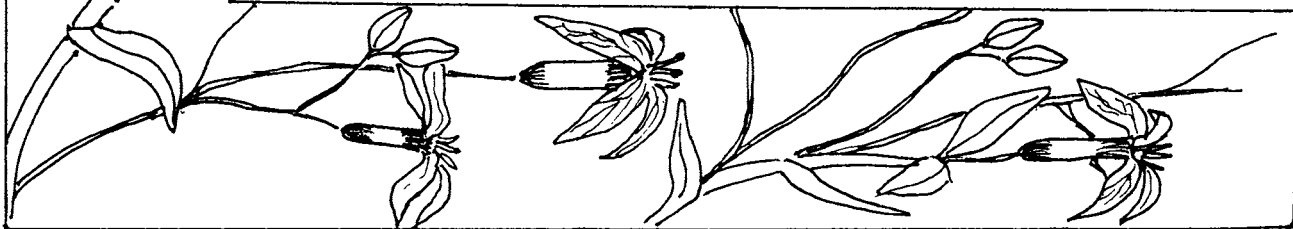
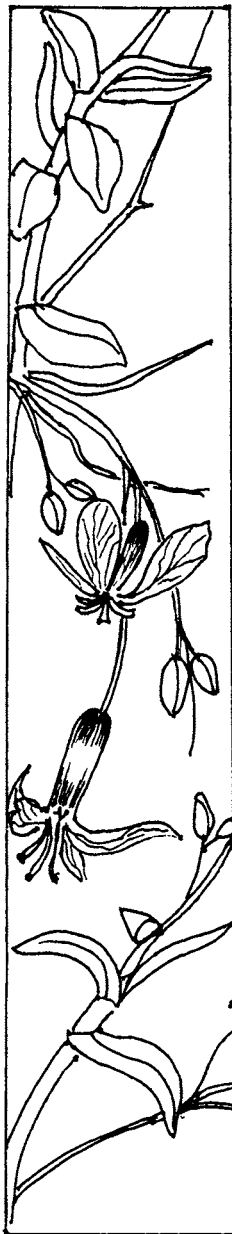
Б. Пастернак

* * *

...А это самое начало,
Здесь перегруз и всё твердит,
Что мы у первого причала,
Что Бухта Цели - впереди.
Но потому, что в шуме роста
Всё было так, как должно быть,
И потому, что это - просто,
А простоту нельзя забыть,
И потому, что ясность цели
В огне рассвета рождена,
Сегодня и в своём конце я
К дням юности пригвождена.

1943

ПЕСНИ О ДРУЖБЕ

Друзьям запорожского детства

Ветер летит с Днепра,
Плещет зелёными волнами .
Песня моя быстра,
Мчится, как птица вольная .
Силой сдержать нельзя
Звонкой, в тумане тающей...
Песню отдам друзьям,
В жизнь со мной вступающим .
Дружба глубже морей,
Радостней солнца летнего .
Другу расскажешь всё -
Тайное и заветное .
В самый тяжёлый час
Дружба наполнит мужеством,
И горячей любовь,
Если с любимым сдружишься .
Если разлуки час
К нам прилетит, непрошенный,
Дружба не бросит нас,
Знаю, мои хорошие .
Знаю, мои друзья:
Дружбе не быть разорванной...

Песня быстра моя,
Мчится, как птица вольная.
Силой сдержать нельзя
Звонкой, в тумане тающей...
Песню отдам друзьям,
В жизнь со мной вступающим.

1935

5-й класс

Зинько Рыбаку

Пусть стихи мои будут, как встреча,
Встреча с другом, понятным и близким.
Шелестящий украинский вечер
Над водой наклоняется низко.
Что-то тихое чудится ночи.
Мысли, мысли без ладу, без краю.
Не напишешь того, что захочешь,
Не расскажешь того, что узнаешь.
Нам с тобой в океане широком
Не отпущено будет покоя,
Чтобы мы на пути одиноком
Пережили своё и людское,
Чтобы сердце с горячею кровью
Людям отдали, гибели рады,
Чтобы мы на дороге суровой
Обменялись приветливым взглядом.
И когда даже мысль не поможет
Вырвать сердце из тёмного круга,
Будет славы и счастья дорожке
Тёплый взгляд человека и друга.

Так до встречи, до радостной встречи!
Час придёт, и, улыбкой согретый,
Встретят вновь наступающий вечер
Два товарища, друга, поэта.

1939

Украинский Артек,
Лузановка

* * *

В.Г.

Хранятся для двоих страницы светлых книг
И чистота ребяческих историй .
Испытана душа несчастьями других
И собственными тяжестью и горем .

И, верно, потому, что годы, сросшись с ней,
Проходят, не рассказаны ни разу,
Таится в ней тепло последних детских дней
Не тронутым до первого рассказа .

1943

* * *

В. Г.

В земле, в тюрьме и на всех дорогах
Друзья - герои и жертвы Схватки.
И детская песня о них - в ожогах,
И пулей пробиты листы тетрадки.

О дружба! Судилось тебе подтверждаться
Беспечностью звонкой ребяческих строчек,
Изменами женщины, верностью братской,
Расплатой за слабость в тоске одиночек..

Шальное и скорбное сердце солдатки,
Ты - дома на всех бесконечных дорогах,
И Слово за Словом о многих и многих
Растёт из мелодий забытой тетрадки.

1944

* * *

От тоски заслоняя солдата,
Маркидантка поёт у палатки.
Что ей прошлого боли и даты?
Что ей слёзы далёкой солдатки?

Принесёт под снаряды напиться,
Ни имён, ни дороги не спросит.
Кто ей дорог? Кто с ней и не бросит?
Боль страшна, если не над кем биться.

1944

Марику и Вальке

РИН-ЧИН-ЧИН

(английская новогодняя песенка)

В июльских ночах серебристых,
В гудящей вечерней толпе,
Звучал на кварталах тенистых
Знакомый английский напев.

Мы шли через город и пели втроём,
Пели втроём, пели втроём
О тех, кто нам дорог, о счастье своём,
О завтрашнем счастье своём.

Могилойдохнула темница,
В замках повернулись ключи.
И песни, и милые лица
Угасли в тюремной ночи.

Ведя на допросы, конвойный свистал,
Конвойный свистал, конвойный свистал,
И вдруг из-за двери, окованной в сталь,
Знакомый мотив прозвучал.

О мыслях, горячих и чистых,
О шумной вечерней толпе,

О спорах в кварталах тенистых
Рассказывал камням напев.
И в камерах тёмных мы пели потом
И ночью и днём, и ночью и днём,
О том, что втроём мы, о том, что втроём,
О жарком грядущем своём!
Таская по дамбе носилки,
Читая под вышкой стихи,
На шумном дворе пересылки
И знойные меря пески, -
Мы рвались друг к другу, мы шли напролом,
Мы шли напролом, мы шли напролом,
Мы волей дышали, оставшись втроём,
Свободные в лучшем своём!
Сменяются беды и страсти,
Уходят за плечи года,
Но дружбы высокое счастье
Останется счастьем всегда!
И если когда-нибудь в доме своём
Мы будем втроём, как были втроём,
В любимых глазах мы себя обретём
И снова, как пели, споём:
ЧИН-ЧИН !

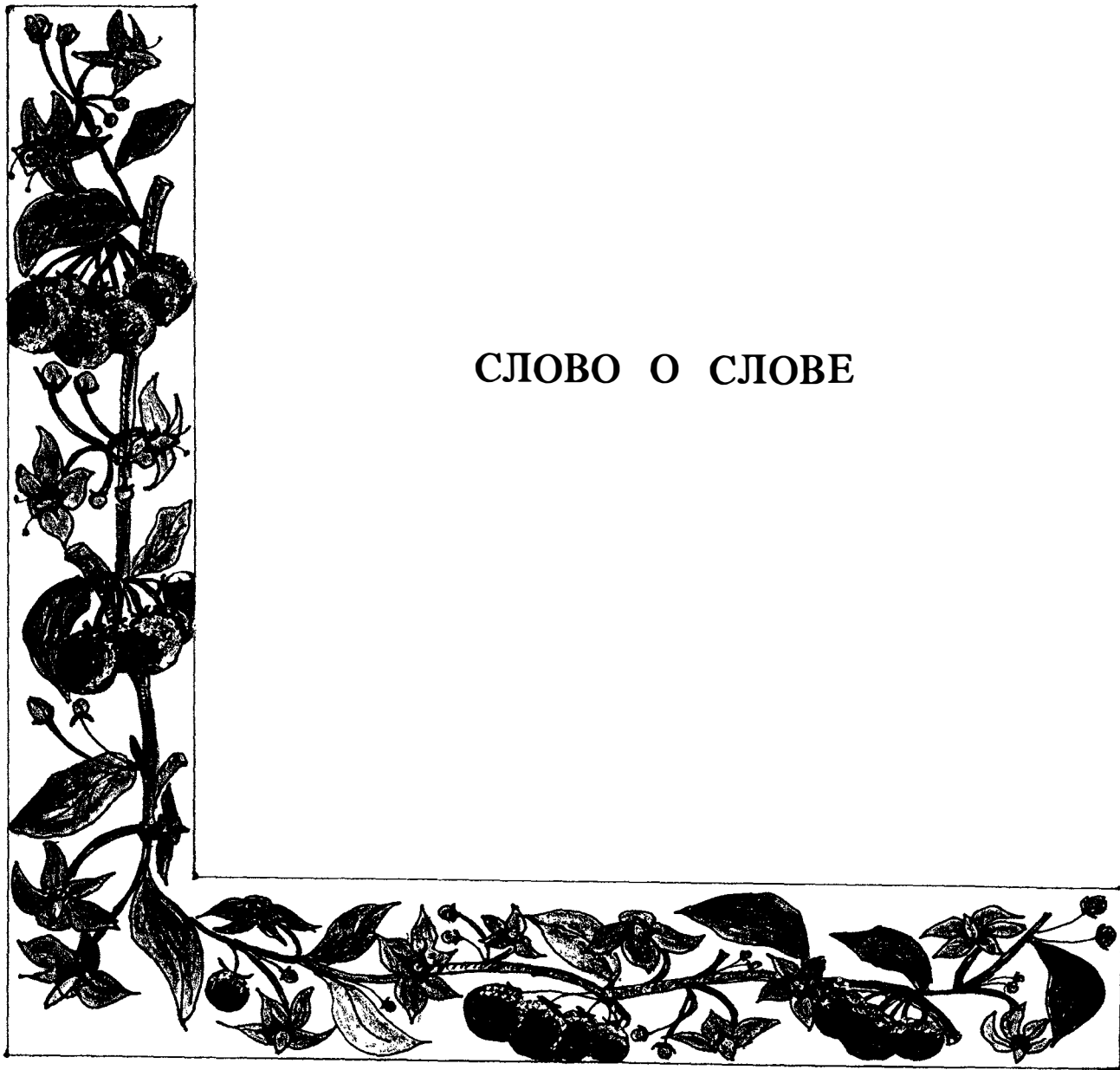
1944 - 1949

* * *

...Я хочу тишины за стеной,
Мира в доме, себя над тетрадью,
А в тетради пусть ветер степной
Рвёт дорог серебристые пряди.
Пусть обманет весёлой тоской,
Позовёт незабытым привалом,
Пусть свобода поёт за строкой,
Как за серым илийским дувалом.
И как в давние жаркие дни,
Сердце птицей бросая к воротам,
Пусть меня дорогие мои
Ждут за каждым крутым поворотом.

1950

СЛОВО О СЛОВЕ

* * *

С давних пор ни грошем не рискуя,
Не скорбя в предательстве душой,
Имя Божье поминают все
Те, кому без Бога хорошо.
С ненавистью давней и законной
Свора волкодавов и псарей
Делает икону за иконой
Из убитых ею бунтарей.
И слова людей, и Слово Божье
Замкнуты враждой в железный круг:
Книга защитить себя не может
От чужих бесцеремонных рук.
Ей от лгущих глаз не отстраниться,
Палача дугою не согнуть
И на просветляющей странице
В нужный час себя не развернуть.
Лист бумаги – он слабей, чем колос,
Падающий молча на жнивье,
И бессмертье книги – только голос
Брата, прочитавшего её.

1958

В. Дудинцеву

На поединке не убили,
Не сдали в руки палача –
Оклеветали и забыли,
Без дуэлянта и меча.

Но где-то под неярким небом,
Дела дневные сбросив с плеч,
Переплетают Ваш "Не хлебом"*,
Чтоб зёрна истины сберечь.

И принимает зёрна эти
То стол, то шкаф, то битый шлях.
Как переключка в эстафете,
Растут заметки на полях.

У однодумцев за плечами
Качает крыльями Сова,
И не мечами, а ключами
В пути становятся слова.

Кто свет донёс, над тем расправа
Уже не властна: тот живой.
А над его могилой слава
Стоит поруганной вдовой.

---

* Роман В. Дудинцева "Не хлебом единым" (1956)
вызвал бурную реакцию в обществе и злобу властей.

Об оклеветанном поэте*
Друзья и недруги молчат.
Как будто не было на свете
Животворящего ключа;
Как будто чистыми руками
Он наши души не лепил;
Как будто тот, кто бросил камень,
От красоты его не пил.
    Но время собирает крохи -
    И каждый шаг и каждый стих,
    Чтоб оклеветанные строки
    До глаз Отчизны донести.
И где-то под неярким небом,
В краю неброских русских рощ,
Становится насущным хлебом
Стихов пророческая мощь.
    И нам, кто осенью ненастной
    Как воздух пьёт его слова,
    Велит не медлить понапрасну
    Крылами бьющая Сова.

1962

---

* "Оклеветанный поэт" - Борис Пастернак.

Борису Слуцкому

"А ты никуда не вышел,
Ты просто пророс травюю.
И я, как собака, вою
Над бедной твоей головою."

Борис Слуцкий –
Михаилу Кульчицкому

Ни эшафота, ни полатей в морге,
Ни голых стен в больничной маяте
Не скрасят гувернантские восторги
И беглая любовь чужих детей.

Всей нашей жизни, нашей страсти мало,
Чтоб не забыли нас ученики,
И в сорок лет ссылатся не пристало
На брошенные в стол черновики.

Вот говорю, а ничему не верю:
Ещё деревья плещут о стекло,
Дневные звёзды за больничной дверью
Ещё горят призывно и светло.

Косого ливня падают караты,
И редко-редко зовом "Не забудь"
Предчувствие неволи и утраты,
Как перебой, опустошает грудь.

Смешно и грустно баловать с тетрадью,
Считать себя при деле и в строю,
Ни прочной крышей, ни житейской кладью
Не защитив усталую семью.

Грешно твердить о чести и о воле,
Учить дитя не гнаться и не врать,
Когда томится узницей в подполье
Всё та же злополучная тетрадь.

И кажется, тоскующая звонко,
То кровным братом, загнанным в острог,
То бомбой в изголовье у ребёнка,
Который сам не знает, где прилёт...

*

...Мне помнится, как предвоенный старт:
Вы в студии. Омытый ливнем Харьков.
Три пары глаз, восторженно и жарко
Глядящие на Вас с последних парт.

Нам русский Миша видится седым,
Так он высок... Но первый допуск выдан,
И мы тихонько в уголке сидим
И впитываем Ваших "Инвалидов".

И светлый друг мой, зоркие глаза,
К сиренному едва привыкнув вою,
Уходит вслед за вами на вокзал,
Чтоб рядом с Мишей прорасти травую...

А мы встаём из выжженной травы,
Оставив мёртвым чистоту и славу,
И мёртвые талантливей живых
Становятся по долгу и по праву.

Но он считал, что гениальны Вы,
И, если бы ковыль шумел над Вами,
Он одарил бы мёртвых и живых
Таковыми же щемящими стихами.

Вы - для себя - блуждаете, как я,
Не избежав моих тягчайших пыток.
Вы - для меня - законный судия,
Живое продолжение убитых.

Я к Вам на суд, как будто к ним на суд,
Приду из затянувшегося детства.
Так на холмы могильные несут
К бессмертным - сердце...

1962

Всё мечтаю: найду машинистку,
Чтобы сердце верней руки,
На хрустящие снегом листики
Пересыплю черновики.
И поеду в город, где хмурится
Оком времени небосвод,
Где поэты на людных улицах
Ищут мира который год.
Я не знаю, Петра творение
Или нынешняя Москва -
Мой мираж, где знакомит время
Всех, кто душу вложил в слова.
Всё, чем смолоду сердце ранено,
На плечах с собой притащу
И к Твардовскому или Гранину
Поздним вечером постучу.
- Вот, - скажу им, - прошу, прочтите.
Мне самой этот груз не мил.
Если можете, научите
По-иному увидеть мир.
Ну, а если видите сами
Не иначе его, чем я,

Помогите : Сова с часами –
Ваша выдумка, не моя...
Как машину свою – Лопаткин,
Как работу свою – Крылов,
Надо людям отдать тетрадки :
Для себя ли горенье слов?
Но ответят они, что не с кем
Говорить им, уйдут глухи.
Ахмадулина с Вознесенским
Обхохочут мои стихи.
А один из заезжих жителей,
Например, месье Арагон,
Мне расскажет пренебрежительно,
Что, вообще, неправа кругом,
И ему из Парижа дальнего
Было много видней, чем мне,
Что при Сталине и без Сталина
Совершалось в моей стране.
Уползу безнадежно раненной,
Буду сотни раз умирать,
Но какой-то зарёю раннею
Вновь открою свою тетрадь.
И опять – хорошо ли, плохо ли –
Неразгаданная вдвойне,
Будет падать на лист эпоха –
Так, как видится лично мне.

1965

* * *

Булату Окуджаве и
тем, кто пришел за ним.

1

Когда из общего страдания
Возникло песен колдовство,
Поколебало стены здания
Утрат и подвигов родство.

Когда, согрета общей верою,
Пошла страной за пядью пядь,
Ни серебром, ни высшей мерою
Не повернули песню вспять.

Храни удалого и смелого,
Ночная ширь, дневная тьма!..
О, как ты, Песня, много сделала,
Не догадалась ты сама.

1964

..И над кроватью всё висел,
Ведь был солдат бумажный..

Булат Окуджава

Когда за нас в огонь и дым
Шагнул солдат бумажный,
Стал золотым и молодым
Защитник наш отважный .
- Горишь?

- Горю .

Назначен срок :

С огнём не шутят дважды .
Но друг летит на огонёк ,
И нет сильнее жажды .
За смелым смелый полетел
В объятия жаркой схватки ,
И жить без них не захотел
Мальчишка из кровати .
Дорогу славную ему
Открыл солдат бумажный :
Он разогнал ночную тьму ,
Весёлый и отважный ,

А то, что много принял мук, -
Жалеть о том не стоит...

- А почему?

А потому,
Что наша боль - пустое.
- Огонь! - и света торжество,
Шагая, видит каждый.
И людям легче оттого,
Что есть солдат бумажный...

1964

* * *

Когда срывались от оваций
Литые люстры с потолков,
Вы не хотели сомневаться
В законности своих оков.
А мы, не почитая богом
Слепое детище земли,
Себя гулаговским дорогам
Со школьной парты обрекли.
Легко ли детям было верить,
Что их прозрения не лгут,
Что государством правят звери
И правды взрослые бегут?
Все наши мысли были данью
Той долгой гибельной борьбе,
Когда искали оправданья
Ему и вам, а не себе!
Но, подменяя бойней эпос,
Вы вновь, без риска и стыда,
Его клянёте так же слепо,
Как слепо славили тогда.
А мы, по-прежнему не вправе,
У новых идолов в тисках,

В его бесславии и славе
Черты эпохи отыскать.
И, видя времени приметы
В пути обыденном своём,
Того гляди – в апологеты
Своих тюремщиков пройдем!
Они ушли – и взятки гладки
С увечных душ, с коварных воль.
Но время требует разгадки,
И память – как зубная боль.
И Минотавра взгляд косящий
Всё так же яростен и дик.
И не отложишь в долгий ящик
Своих прозрений роковых.

1956

"СКАЗКА - ЛОЖЬ,
ДА В НЕЙ НАМЁК"

Сага о Мастаке

Жил да был король-герой
Незапамятной порой,
Незапамятной порой
Вечным сном почил герой.
Не дал Бог ему в удел
Ни ума, ни добрых дел,
Но была его рука
Королевски широка.
В королевском кулаке
И с добром, и налегке
Помещались – вот так вот! –
И бояре, и народ,
И бояре, и народ,
И купечество, и флот,
И акулы, и треска,
И любых родов войска,
И мудрец, и ловкий вор,
И артист, и прокурор,
И учёные мужи, –
В общем, сколько ни кружи,
Из пределов кулака
Не уйдешь наверняка...
При герое-короле
В расписном его Кремле

Жил художник – не простак,
Краски смешивать мастак.
Этим писанный дельцом
Старец выглядел юнцом,
Ведьма – девицей-красой,
Бабья плешь – густой косой,
Кротким голубем – палач,
Чудом щедрости – богач
И румяней, чем заря,
Что расходится, горя,
Краше, чем весной поля,
Злая рожа короля.

А король-то, говорят,
Был неловок и горбат,
Кривоног и одноглаз –
В общем, шит не на показ.

Красоту свою герой
Видел в зеркале порой.
Глядя в зеркало порой,
Потерял покой герой
И вскричал: Сто тысяч блох!
Неужели так я плох
И природа так бедна,
Что земных богов она,
Безобразно жестока,
Лепит хуже Мастака?!?
Мастаку сказал король:
– Написать меня изволь.

Я желаю - к черту лезть! -
Жить в веках таким, как есть!
Я совсем не так уж плох,
Триста тысяч тридцать блох!
Если ты, еловый шиш,
Против правды согрешишь,
То, клянусь своим горбом,
Будешь бит о стенку лбом!
Ну, а если, слышь, Мастак,
Ты меня напишешь так,
Как уродуют со зла
Царский облик зеркала,
Будешь бит стеной о лоб,
Головой клянусь, холоп,
Так, чтоб треснули, холоп,
То ли стенка, то ли лоб!
Побледнел Мастак слегка,
Слабо дрогнула рука,
И в молчанье вынес двор
Живописцу приговор.
Срок исполнился, и вот
Мастака король зовёт:
- Приготовил, парень, гроб?
Обвязал потуже лоб?
Где портрет мой?
- О, король,
В тронный зал пройти изволь!
- Ну-ка, шире дверь открой!

Шаг - и замер наш герой:
Мчит галопом по стене
Бравый рыцарь на коне.
Профиль, чёткий, как медаль,
Зрячим глазом смотрит вдаль,
Бурка скрыла горб у плеч,
В мощной длани блещет меч! . .
И вскричал король-герой:
- Казначей, подвал открой!
Казначей, подвал открой!
Сыпь-ка золото горой!
До чего Мастак толков:
Я, действительно, таков!
Я как раз таков и есть -
Это правда, а не лесть!

Жил да был король-герой
Незапамятной порой,
Незапамятной порой
Вечным сном почил герой.
Говорят (и это так),
Что давно истлел Мастак,
Унеся с собою в гроб
Сбереженный чудом лоб.

В этой сказке дива нет:
В жизни часто, не секрет,
Тот смолчит, иной солжет -
Лоб, глядишь, и сбережет.

Диво то, что до сих пор
Скачет конь во весь опор,
Всадник в профиль, под плащом,
Со стены грозит мечом,
А услужливый Мастак
Быль и небыль вяжет так,
Что спроста не разберёшь,
Где там лесть и в чём там ложь.
Сходство голову кружит:
Полуправда хуже лжи!
Неспроста король-герой
За неё стоял горой!
Сыпал золото горой
За неё король-герой.
Брысь под лавку, мастаки!
Кисти в руки, простаки!
К чёрту бурку! Прочь коня!
В блеске грянувшего дня
Без уловок и прикрас
Бейте зло не в бровь, а в глаз!

1964

Бродячий сюжет

Жил-был король в глубокой древности,
Всем королям на зависть зол и туп,
Не проявлял к делам он ревности,
Но мнил, что он - Вселенной пуп!
Наряды он любил без памяти,
"Метро" и "люкс", "фуле-гофре" и
"крепдешин".

Любил он дам, и были дамы те
На удивленье хороши!
У короля в дворцовой горенке
Жил-был портной, большой ловкач и плут.
Он без сучка и без задоринки
Кроил камзол за пять минут.
Он мог объездить полымперии,
Мог расшибиться, мог решиться на грабёж,
Но раздобыть такой материи,
Что короля бросало в дрожь!
Король был жутко подозрителен:
Себя стеной шпионов окружал,
Казнил своих телохранителей,
Семейство в бункере держал.
Он сеял страх рукою властною -
И на уста, и на сердца легла печать,

Но как проверить мысль безгласную
Рабов, наученных молчать?
Врагам готова наказания,
И день, и ночь изобретал король
Лучи для мыслепронизания,
За онемевшими контроль.
Его неведение измучило:
Безмолвный враг вокруг него стоял стеной.
И вот тогда, по воле случая,
Тирана выручил портной.
Привёз Ловкач из путешествия
Необычайно ценный матерьял.
Не звался ни парчой, ни шерстью он,
В морозный день не согревал.
Но, как поведал глас народа нам,
Тот матерьял имел один большой секрет:
Был виден только верноподданным
Его необычайный цвет.
Незрим, как воздух, для неистовых
Врагов двора, закона и царя,
Для неподдельных монархистов он
Сиял, как райская заря.
Монарх не видел ткани тоже той,
Затем, что сам, на сердце руку положе,
На основанье жизни прожитой
Себя не слишком уважал.
Теряя счёт обетам проданным,
Переходя легко из роли в роль,

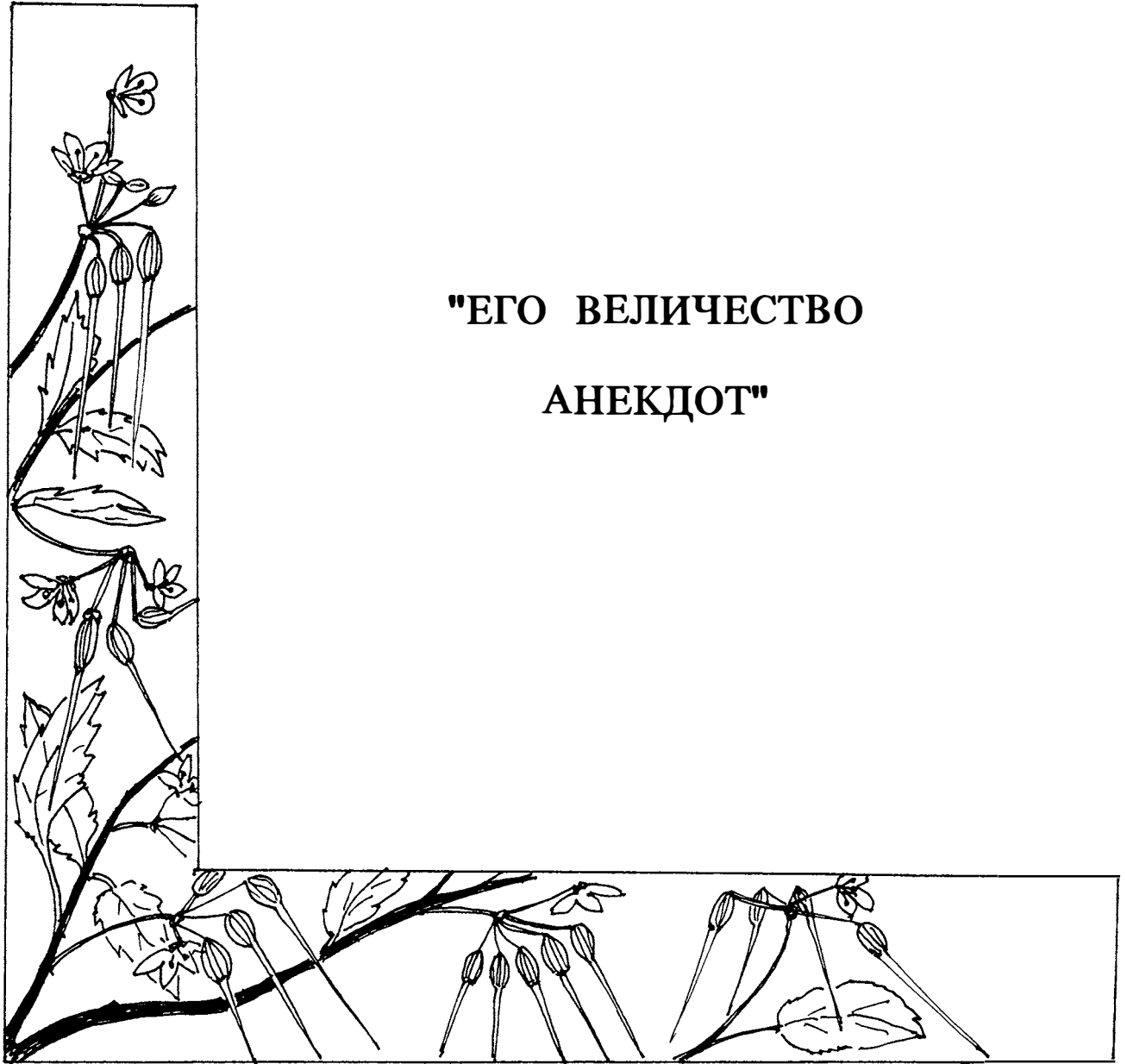
И начал взгляды очень странные
Бросать король на Ловкача .
Но тот отбросил страхи вздорные ,
Когда наутро , встав у трона в ряд ,
Живописали все придворные
Его Величества наряд ;
Когда художники маститые ,
Рискуя в давке у порога околеть ,
Явились ткани , шелком шитые ,
На полотне запечатлеть .
Поэты пели гимн приветственный .
Фельетонисты зло грозили тем ,
Кто не увидел ткани , следственно ,
Погрыз в духовной слепоте .
Писали физики о прочности
("Подобной ткани не порвёте и втроём") ,
А математики – о точности ,
С которой весь костюм скроён .
Учёной лексикой и ямбами
Все королю в глаза пускали пыль .
Сменялись оды дифирамбами ,
Опухли уши у толпы !
В несуществующей материи
Ужасно мёрз Его Величество Король ,
Но все участники мистерии
Втянулись постепенно в роль .
Нам скажут : "Эта быль не к случаю ,
Её мы знаем с колыбели все .

О ней сложили сказы лучшие
И Де-Костер, и Андерсен.
Чем перекраивать готовое,
Дразнить умерших, не надеясь на ответ,
Не лучше ль молвить слово новое?"
Но ведь у нас иной сюжет!
Предтечи наши в их наивности
Могли в года лихие полагать,
Что им дорогу к правде вымостит
Нетерпеливый мальчуган.
А в наших сумрачных обителях
Не смеют дети, чтоб отцов не подвести,
О голозадейших правителях
На людях глупости нести.
Зато гуляем мы, весёлые
(У невесёлых путь-дорожка коротка),
Заворожённые и голые,
Среди полотен Мастака.
Из чудо-ткани амуницию
Кроит Ловкач уже в запас на шар земной,
И заменяют нам полицию
Малярный корпус и портной...

1965

Мелодический фон -
песенка монтажников-
высотников из кино-
фильма "Высота".

"ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО
АНЕКДОТ"

Ода анекдоту

Когда страну превращают в дот
И ложью сочатся строчки,
Его Величество Анекдот
Хохочет: "Пошли денёчки!.."

Его Еретичество Анекдот
Набрасывает портреты.
Его Непочтительство Анекдот
Треплет авторитеты.

Его Безлестие Анекдот
Своих творцов не бессмертит.
Его Безвестие Анекдот
Дыры в плотинах вертит.

Его Смехачество Анекдот
Немых и тишайших слышит.
Его Лихачество Анекдот
Без ручки летопись пишет.

Его Бродяжество Анекдот
Кольшет ЦК и нары,
Дипломатический табльдот
И скучные семинары.

Трясёт, качает, колеблет дот
Снизу до верхотуры

Его Язвительство Анекдот,
Его Грустительство Анекдот,
Его Учитительство Анекдот -
Летопись диктатуры.

1972

Песенка о выезде

Открыты все границы:
Запрет на выезд снят.
В таможенных вереницы
Желающих стоят.
    Шальной, как с перепоя,
    Путеец-офицер
    В тупик отправил поезд
    А-ЭН ЭС-ЭС-ЭС-ЭР.
Вопят недоуменно
(Задержка - в сердце нож)
Действительные члены,
Корреспонденты тож.
    Путеец вносит ясность:
    "Отправлю я сейчас
    ЦК и Безопасность,
    А вслед за ними - вас".
В ответ он слышит: "Мальчик,
Тебя мы не тесним!
Шугни-ка их подальше,
А мы повременим!"
    И с песнями обратно
    Умчался эшелон.
    Дожить бы вам, ребята,
    До таких времён! ..

1977

Дважды два

В одной стране царили
Тиран и шайка слуг.
Они установили
Предел для дважды двух.
    Большой научный опыт
    Позволил им расчесть,
    Что дважды два, что дважды два
    Не менее, чем шесть.

Решенье это было
Святым законом их.
Раскольников на мыло
Пускали в тот же миг.
    В острог, на плаху, на кол
    Антишестистский сброд!
    И благодарно ахал
    Признательный народ.

Царя наследник хилый
Был не лишен идей.
Решил он, что на мыло
Грешно пускать людей.
    В развитие шестизма
    Позволил он считать,
    Что дважды два, что дважды два
    Не более, чем пять.

Но край родной не стоил
Царёвых добрых дел .
Чихая на устои,
Он рвался за предел .
    И скоро даже в школе
    Пошли мальцы шептать :
    "Уж если дважды два не шесть,
    Так, может, и не пять!"

Хотя и не забыли
Они шестистских схем,
Учёные подбили
Итог на ЭВМ .

    И в обнаглевшем мире
    Назрел последний шаг:
    Мол, дважды два – четыре
    И больше ни шиша .

А кто того не знает
И не желает знать,
На кой нам чёрт такая
Безграмотная знать?

    Вот тут и понял наш царёк,
    Что батя – голова...
    Эх, сказка – ложь, да в ней намёк,
    Простой, как дважды два .

1973

Плач о первопечатнике

Нет, наши дни совсем не плохи:
Экономисты в козырях
И лучшие умы эпохи
Не подыхают в лагерях.

И даже те, Андрей и Юлий,
Что всполошили целый свет,
Не получили в глотку пули,
А на двоих – двенадцать лет.

Мы слушать Шолохова ходим
(Гутарит Шолохов за жисть)
И душу (ох, тяжки грехи!)
Отводим в песенках (хи-хи!),
На все засовы запершись.

Первопечатник смотрит странно,
Хоть с постамента боком слазь:
За технологию Баяна
Эпоха космоса взялась!

Стучат машинки, стонут диски,
Звонят гитары в темноте,
И по Руси который год
Гуляют списки (вот так вот!),
Как при Иване Калите!

Изобрести роман не штука :
Строчим, рассудку вопреки,
Но знает Тот, Кто был распят,
Какая мука (сущий ад!) –
Размножить книгу от руки .

Нет, наши дни совсем не плохи :
В картонных домиках уют,
И лучшие умы эпохи
С гитарой песенки поют...

1966

ПОСЛЕДНЯЯ ЛИРИКА

* * *

В. Р.

Далёкий, мятежный, тяжелые брови,
Вернулась ли радость бытья?
Уснула ль в заботах о хлебе и крове
Бессонная гордость твоя?

Далёкий, мятежный, тяжелые брови,
Не больно ли сердцу порой?
Остыла ли память о первой любви,
Забылась ли горечь второй?

Таишь ли от близких борьбу и уроки
Потрясших нас в юности чувств?
Нашел ли ты дело, товарищ далёкий,
Уму и страстям по плечу?

Далёкий, мятежный, тяжелые брови,
У друга в ненастной дали
О дружбе немой, о забытой любви
Усталое сердце болит.

1951

* * *

Ф.Б.

Прощание

Вот и стали Вы старше,
Чем была я тогда,
Не на восемь пугавших –
На года, на года...
Только осенью тоже
Есть погожие дни.
Так тревожно похожи
На начало они...

Ах, как нам танцевалось
В тополином саду! ..
Как легко всё сбывалось
В том невинном году!
Птицей между ветвями,
Птицей в прочных силках
Сердце, полное Вами,
Билось в Ваших руках...

Из высокой бойницы
Тихо падал платок.
Будьте счастливы, рыцарь:
Голос рока жесток.
Да звучит неизменно:
"Благодарствуйте, друг,
За спасенье из плена,
За кольцо Ваших рук."

Громовые раскаты
В тополином саду.
Грозный призрак утраты –
Счастье в полном цвету.
Хрупкий мостик разводят.
Над погостом светло.
Колдовство не уходит
Так легко, как пришло.

1958 – 1977

* * *

Матери

Шел человек, о камни раня ноги,
И верил он, что не напрасен труд
И что его тернистые дороги
К земле обетованной приведут,
Что псы сойдут с потерянного следа,
Что будут дни беспечны и тихи,
Что там утешит всех, кого он предал,
Что там замолит все свои грехи...
Но у могилы материнской ранней
Он понял, что конец не будет тих,
Затем, что мы одних гнетём и раним,
А искупленья ищем у других.
Никто не знает, чем его докосят.
Дни перестали радость обещать.
Когда из дома мать в гробу уносят,
Нас больше в жизни некому прощать.

1970

* * *

С. Т.

Потоком резким бьёт из окон
Холодный, мёртвый, лживый свет,
И ветер северный жестоко
Ворожит стынущей листве.

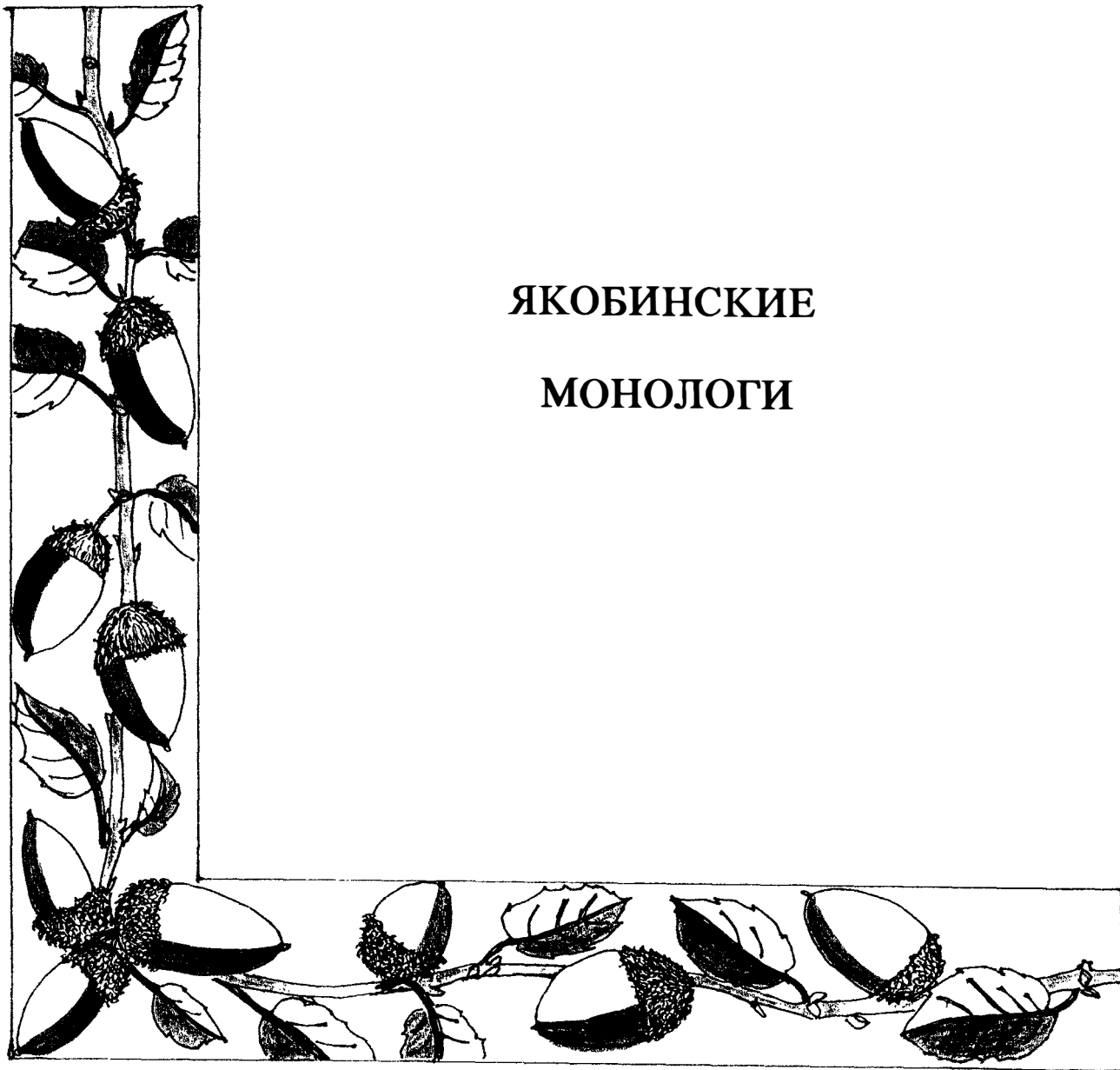
В погоду солнцу веришь свято,
В ненастье с ветром делишь скорбь.
Полна больничная палата
Недоумением и тоской.

*

Кто мог тогда наворожить,
Что впереди и петь, и жить?

1962 – 1971

ЯКОВИНСКИЕ
МОНОЛОГИ

Моей Матери

Любимая, усталая от скорби,
О чём теперь болит твоя душа?
Который год, следя мой каждый шаг,
От каждой вести ниже плечи горбишь...
В тоске ты ищешь правды обо мне
В словах моих тюремщиков. Родная,
Тюремщик – не противник по войне,
Тебе одной всегда и вся видна я.
Пусть нас друзья, как погребённых, чтят,
Пусть нас враги боятся и пугают,
А ты сама суди своё дитя,
От лишних ран себя оберегая!..

*

Не отвечает: отошла в бреду,
То от врагов мои тетради пряча,
То о долгах невозвращённых плача,
А псы не замолкают на следу.
Тобою сбереженной и спасённой,
Дочерней жизни не прервалась нить.
Но мне себя от сабли занесённой
В твоих глазах уже не заслонить.

* * *

В. Евстифееву

Однажды в мой далёкий плен,
В товарищеский тесный круг
Пришел передохнуть в тепле
Солдат с войны, хороший друг.
И часто вспоминались мне
То друга боль, то друга смех...
В тоске этапа, в звоне дней
Живую связь засыпал снег.
Под улиц позабытый шум
Его неожиданно обрета,
Я друга горячо прошу
Быть мне своим на всех путях.
Пусть реже гаснет ясный смех,
В волнах его большой тоски,
И пусть не засыпает снег
Протянутой сквозь ночь руки.
Но вновь засыпал руку снег,
Холодный пустоцвет зимы,
Засыпал связь и вместе с ней
В сугробах скрыл тепло тюрьмы.

*

Пусть будет всё, что суждено,
Пусть горький опыт входит в быт,

Но, как озимое зерно,
Под белым снегом дружба спит.

* * *

Кларе

Меня тоска ведёт в твой тёмный угол,
В окованный стеною океан,
И снова я в пути, и в горе друга
Живёт моя тюремная тоска...
О теплота! Кто знает, где теплее?
И будет до последних дней душа
Хранить живую благодарность плену
За каждый дружбой обогретый шаг.
Санчасть плыла всё мимо, мимо, мимо
Жилых углов, над пустошью немой.
Из тупиков страны необозримой
Никто не возвращается домой.

*

Она кончалась на барачных нарах,
Чтоб лечь песчинкой в безымянном рву,

А сын её зубрил на семинарах
Чугунную "Четвёртую главу". *
Без памяти от гнева и позора,
Он бредил в искупительном жару
Палаческой трибуной прокурора,
Безжалостно служащего добру.
Но, слыша шорох тяжких смертных крылий,
Мать умоляла, отходя ко сну,
Чтоб от него её безвинность скрыли,
Как самую жестокую вину.
На сына из барачного угла
Сквозь вёрсты глядя – тонущей на сушу,
Она от раздвоенья берегла
Его несуществующую душу...

* * *

Братьям

Когда товарищ умирает,
То рук судьбы не отвести
И ни в каком зачатом крае
Живым его не обрести

---

* Сталинского "Краткого курса истории ВКП(б)" 1938 года.

В краю, где по небу ночами
Громады горные брели,
Мы тяжесть крыльев за плечами
В полёте общем обрели.
Мы в самом пекле были близки,
Когда, рискуя головой,
Мой друг подписывал записки,
Отбросив имя, словом: "твой".
И вот уже ни стен, ни грома,
И стала лодка на причал,
А брат проехал мимо дома
И в дверь мою не постучал.
А за горами, за долами
Сквозь январь бредёт второй,
И снегопады гасят пламя,
И тлеют угли под корой.
Но только первый мир оставит,
Как двум другим, товарищ мой,
Такая мука душу сдавит,
Что не сравнится и с тюрьмой.
И будем всё готовы бросить,
И дом забыть, и долг презреть,
Чтоб на виске запавшем просесть
Дыханьем дружбы отогреть.
Когда товарищ умирает,
То рук судьбы не отвести
И ни в каком треклятом крае
Живым его не обрести.

Я помню вечер: четверо над книжкой
И провода за мартовским окном.
Земли не видно. Одинокой вышкой
Плывёт по ней пятиэтажный дом.
Какие к вышке крадутся дороги?..
Я вспомнила их призрачную даль,
Когда твои солдатские ожоги
Увидела у дачного пруда.
Увидела – и к ранам не припала,
И ты о них случайно рассказал,
И право плакать не воскресло. Мало
Мы знали жизнь, пускаясь на вокзал.
Не знали мы, что холодно зимою,
Что по ночам разносят вьюги двор,
Что, как ни жаль, сумою и тюрьмою
Народ не попрекает до сих пор;
Что от детей в прощанье нашем братском
Навек отходит мира благодать;
Что Ты и Он своим путём солдатским
Должны мою дорогу оправдать.
О, если б я тогда, как в настоящем,
Могла за эшелонной колотьбой
Тебя увидеть в пламени стоящим,
Его увидеть мёртвым за тобой!..
Окно темницы... Города пустые...
В крутом дыму солдатская тропа...

И дважды осень, дважды лужи стыли
На колее меж просмоленных шпал...
Пусть и теперь я многого не знаю,
Пусть тот простор, что горем и ходьбой
Открыла мне земля, навек родная,
Почую скоро в камне над собой.
Но я всегда судьбу благодарила
В счастливый час, а в горестный – вдвойне,
За то к сердцам высокое мерило,
Что Ты и Павший подарили мне.
Да будут дни надёжны и спокойны,
Да будут песни истине верны,
Твоей любви мальчишеской достойны,
Твоей мужскою дружбою сильны.
Всё хорошо, побольше б сердцу силы:
И в доме мир, и в мире тишина.
Благословляю всё, что в жизни было,
За яркий свет из твоего окна.
Благословляю всё, что жизнью взято,
И всё, в чём мы не уступили ей, –
Всё, кроме смерти мальчика-солдата
И ран сердечных матери моей.
Отдавшим жизнь бессмертия желаю,
Достойным жить – нехоженых путей,
И да вовек минует чаша злая
Под нашим кровом выросших детей!

* * *

Друзьям детства и юности

Голос 2

Не отсюда надо начинать..
Разбивая о дорогу ноги,
Шла к тебе, моя отчизна-мать,
Девочка, одна из многих.
Обернулись поиски тюрьмой,
Потому что девочка из ночи
Вырваться хотела по прямой:
Ей казалось – прямым короче.
Бросили девчонку в чад и грязь,
С неба – на скрипучую вагонку,
А она и в каторге рвалась
Миражу казнящему вдогонку.

Голос 1

Обходя земные тупики,
Прорывая под землёй тоннели,
Полководец в бой ведёт полки,
Отклоняясь на века от цели.
Знает он, что взор идущих слаб,
А земные пропасти бездонны.

Их заполнят смертников тела,
По которым хлынут миллионы.
Хлынут, чтоб стена и грозя,
Тоже лечь безмолвными пластами.
Им вперёд заглядывать нельзя:
Страшно обречённым стать мостами.
А за ними, где-то далеко,
Человек в распахнутой шинели
Видит очертанья тех полков,
Что – одни! – дойдут до светлой цели.
Всё для них. Спокоен, твёрд и прост,
Он стоит, исполненный отваги, –
Вождь, который тоже ляжет в мост,
Только не в плаще, а в саркофаге.

Голос 2

Камень веры в гору волоча,
На разводах, шмонах и поверках
Жертва обеляла палача
И в своих раскаивалась мерках.
Так веками – в тупиках тюрьмы,
На крестах, одной ногой во гробе –
Ищут потрясённые умы
Оправданья низости и злобе.
Слов на осуждение не трать:
Чья бы тень над топором ни висла,

Человеку легче умирать,
Если в смерти есть крупица смысла.
Потому, наверное, ключей
Ищут жертвы к душам палачей
И богов кровавые дела
Отмывают в храмах добела.

Голос 1

Я в юности о вас писала много,
Стремясь в стихи любовь свою вложить.
Была открытой общая дорога,
Мои друзья со мной вступали в жизнь.
Нас грели одинаковые мысли,
Мы верили, что путь легко избрать.
Над всеми нами те же тучи висли
В безоблачные свиду вечера.
Мы все, мечтая выпуска дожждаться,
Укрытые от ветра с трёх сторон,
По окнам да по книгам догадаться
Могли о широте своих дорог.

Во всех нас в солнечное утро,
Служа как лозунг и пример,
Дружила франсовская мудрость
С романтикой Аннет Ривьер.
И всех нас горьковские сказки,
Кристофа сила и разбег

Учили думать без опаски
О времени и о себе .
Друг с другом связанные прочно ,
Воспринимая вместе мир ,
В любви мы были так же точно ,
Как в школе , - дружными детьми .
Тогда любовь кончалась просто ,
Не смертью друга , не тюрьмой :
Отъездом , сутолокой роста ,
"Стихов и света кутерьмой" .
И это не было изменой ,
И чище не было любви ,
Чем "первый друг , мой друг бесценный ,
И я судьбу благословил" ...
Любя и верных , и неверных ,
Мы были равно все близки :
Товарищ , милая , соперник
И книг любимые листки .

*

Под алым стягом правды вечной ,
В рассветной пооктябрьской мгле ,
Мы родились на безупречной ,
На самой праведной земле .
Страна была большой и юной .
Щедра была её рука ,
И лучезарною коммуной
Лежали перед ней века .

Внушили нам у школьных окон,
И мы созрели с верой той,
Что всё, что в мире зло и плохо,
Осталось за её чертой;
Что Пушкин, проклиная Невский,
О нашей тосковал весне;
Что ею бредил Чернышевский
В вилюйском ледящем сне.
Пред нею были в доле новой
Её строители равны,
И быт спартанский, быт суровый,
Делили все её сыны.
Она заслуг не покупала,
И безымянный часовой
Делился с Лениным усталым
Своей горбушкой пайковой.
И каждый, причащась решенья
Упрямо строить новый быт,
Терпел бодрящие лишенья
Во имя цели и борьбы.

В ту пору цель казалась чёткой:
Ещё один, последний, бой -
И завершится круг короткий
В огнях Коммуны мировой.
И вечерами, вечерами,
Когда туман кружил дома,
Коммуны жаркими огнями
За площадями пела тьма.

*

Я знала их не понаслышке,
Не по рассказам, а живых,
Не по картинам, не по книжке –
По детским дням друзей моих.
Я помню их семей шумливость,
Отцов и братьев простоту,
И матерей неприхотливость,
И голых комнат высоту.
Подруги первых дипломатов
В косынках и тугих ремнях
Шагали в вузы из раскатов
Артиллерийского огня.
Жена трибуна и поэта!
Как трудно нынче рисовать
Твой стол, застеленный газетой,
Твою солдатскую кровать.
Когда, припомнивши о доме,
Он возвращался из полка,
Как падала в твои ладони
Его небритая щека!..
Дышало поле. Цвёл любысток.
Ты клала "Капитал" на стол.
Неповторимо бескорыстен,
Солдат не приносил цветов.
Он не умел терять минуты.
И только ты, и только ты

Без слов узнала, как он чуток,
Как руки твёрдые чисты...
С кем бескорыстье отлетело?
Кто криводушья дал урок?
Кто торговать Христовым телом
Святых апостолов обрѣк?

Голос 2

Ах, пионерские кумиры
И страсть корчагинская та! ..
Ах, конвоиры, конвоиры,
Дозорных вышек маята!
Бессонно, как врагов заклятых,
Нас берегли и стерегли,
А мы смотрели вглубь двадцатых
И насмотреться не могли.
И в пропасть отчих заблуждений
Нас то же марево влекло,
И адской магии видений
Ничто разрушить не могло.

Голос 1

Российский дворянин Рахметов
Без РКИ и ЦКК
Отверг еду, которой нету
В меню простого мужика.

Чудак: не знал (куда смешнее?),
Что он крестьянина нужнее,
Что глубже смысл его трудов,
Что выше их значенье в мире,
Что нужды публициста шире
Потребностей крестьянских вдов.
Принявши равенство за норму,
Спасительных не зная формул,
Идеалист попал в беду:
Он, приоткрыв коммуны двери,
С мужицкой колокольни мерил
Вознагражденье по труду.
Зато нашли героя внуки
В экономической науке
Пустому дон-кихотству край,
И, благ земных урвав по чину,
Они народу за кручину
В коммуне обещают рай.

Голос 2

Конец двадцатых. Лапы ёлок.
Январских комнат полутьма.
Ещё не вымирают сёла.
Хлопушки. Праздники. Зима.
Год тридцать третий... Снег... Обновы...
Модистка в доме платья шьёт.

Кухарка кофе желудёвый
В деревню на лепёшки шлёт.
Помногу, по десятку пачек
("Дожить до травки на земле б").
А у соседей нянька плачет:
Украла карточки на хлеб.
Прогнали: не держать же вора
При доме, да ещё с детьми!
И столько было разговоров,
Что волка сколько ни корми...
Потом в отцовском кабинете
Лежали на большом рядне
Слепые от отёков дети,
Мутно-зелёные, как Днепр.
Отец обшаривал окрестность,
Дороги, сёла, хутора.
Спала вповал в каморке тесной
Завшивленная детвора.
Окрепших отправлял в детдом,
Опять бросал больницу, близких...
Исполнил свой врачебный долг,
И вот - предсмертная записка.
Отца жалели стар и млад:
Он не бежал чужой заботы.
Его известный наркомат
Полгода вербовал в сексоты.
Не сдался: не тому служил.
"Мы, доктора, не бьём, а лечим".

На нас долги переложил,
А нам расплачиваться нечем...
Мы сбились. Люди, как нам жить?
С кем воевать? Чему служить?

Голос 1

Тогда рассвет пылал коммуной,
И, не щадя родных кровей,
В защиту сытости чугуновой
Отцы стреляли в сыновей.
Текли перерожденья муки,
И даже те, чьи ноги шли,
С натугой отрывали руки
От кровью по́литой земли.
Они прощались с ней, поверив,
Что в коллективе наймам край,
Что сообща откроют двери
В мужицкий заповедный рай.
И так и сяк они вертели
Слова про смычку и артели,
Пытаясь их обмозговать;
Ссутулясь за возком груженным,
Не выть приказывали женам
И шли зажиток добывать.

Голос 2

Но от покинутого стога
Через артельные луга,
Ложилась дальняя дорога –
Последний подвиг мужика.
То был конец крестьянской доле:
Последний раз немой герой
Подставил жёсткие ладони
Под небывало грозный строй.
Как он бежал стального ада!
Он воевал с судьбой века
Во имя призрачной ограды
Вокруг родного уголка.
Как он надеялся, что мукой,
Трудом, годами немоты
Отгородится от сторукой,
От пролетарской нищеты!
Всё на земле землёю меря
(– Чужою?
– Брешете: своей!),
Посулу ленинскому веря,
Он с галицийских брёл полей.
От Бреста до земли ферганской
Он "беляков" дубьём гонял.
Он лишний год войны германской
На пять гражданской разменял.
И в свисте пули слышал шорох
Зерна, тяжелого, как мёд

(Не прочитавши книг, в которых
Всё рассчитали наперёд:
Свои посулы, их подмогу,
Мужицких безотказных рук,
Путь к соловецкому острогу
И вечной продрозвёрстки круг) .
Шли годы, и на том же паре,
Где тяжбы прадеды вели,
Он стал такой же пролетарий,
Как заводские бобыли .
И умерла с хозяйским правом
На полосу, на скудный хлеб
Его мозолистая слава –
Его привязанность к земле .

Голос 1

А в те поры плитой чугунной
Земля лежала на плечах
И юность бредила коммуной
В глухих комбедовских ночах .
Из деревенского соседства
Дохнула древняя беда,
Смутила дремлющее детство
И сытыми забылась... Да,
Чужим несчастьем век не метил
Ни детских душ, ни детских тел .

Не той порой зловещий петел
С шеста дозорного слетел.
Иными смутными ночами,
Ребячьи души леденя,
Сомненье встало за плечами,
Как топот медного коня .
Где правосудье?

В ком измена?

Нема, потрясена, слепа,
Металась в падающих стенах
Ошеломлённая толпа! ..
И были мы за всех в ответе:
Ни тем, кто пал, ни тем, кто прав,
Не обошлась больней, чем детям,
Осиротившая пора...

Голос 2

Когда метался, бросив город,
По сёлам, воющим в смерти,
Отец, пыталась мать опору,
Подмогу для него найти,
Поруку, что, уже больного,
Его не схватят палачи...
...Не бросил хлебозаготовок
Любимый брат - высокий чин .
Пришла скупая телеграмма:
Он хлеб по сёлам добирал...

Его не расстреляли: мама
Писала письма за Урал.
Вернулся дедом. Вымерз, высох, –
По новой взяли чудака:
Безвинно осуждённых список
Повёз отстаивать в ЦК.
До смерти бога он не дожил:
Упал, сосны не дорубя.
И понял ли, что уничтожил
Отчизну, брата и себя?
Иль никому в казнимых лавах
На ум в ту пору не пришло,
Что не сыскать меж ними правых,
Что зло обрушилось на зло,
Что жертвы не они, а дети,
За них платящие сполна,
Что их тоска о партбилете –
Не оправданье, а вина?

Голос 1

Рассудим, верно, мы их, но
Теперь – едва ли... А тогда?
У них лежали за спиной
Восстаний бурные года,
Подпольной "Правды" полоса,
Полувоенный первый РИК,

Им Горький запросто писал,
А Ленин был для них "старик".
И мировой коммуны даль,
И первый штурм, и правый бой
Для нас связались на года
С их перерубленной судьбой.

Молчат в далёких сторонах
Все те, в ком мы уверены,
За стенами, за горами,
В ночных снегах затеряны.
Они врагами не были,
Тому порукой дети их,
И кто б они,

И где б они, -
Мы судьи, мы свидетели!
Они свернули в сторону?
Не поняли задания?
Зачем же "чёрным вороном",
Без права оправдания?..
А может быть, а может быть,
Снята со счёта выстрелом,
У них, у уничтоженных,
В сердцах застыла истина?!?
Уйти бы прочь из города
Сибирскими дорогами,
Не жить глухими спорами,
Сомненьями, тревогами!..

Голос 2

Уйти? Куда? Пусть эти дни
Солгали нам, друзья мои,
Пусть мы не вправе сохранить
Их ненависть упрямую,
Пусть мы ошиблись!

Но теперь
Цена словам измерена :
Нам будет мало слова "верь",
Чтоб выросла уверенность.
Забьтъ? О нет!

Мы не растём
Слепыми на чужом пути,
И мы пойдём лишь тем путём,
Которым долг велит идти.

*

От первых дней до первого этапа
Наш детский идеал не мерк в душе,
И, более католики, чем папа,
Мы не могли простить несовершенств.
Громада государства утверждалась.
Тюрьма росла, но детские умы
Бескомпромиссны. Ими правит жалость.
Они катастрофически прямы.
Сомненье не коснулось только цели,
Которой обрекалась вся земля.

И в бунте – коммунары, мы хотели
Проверить курс родного корабля.
И начали проверку издалёка –
Из тьмы доисторических времён.

Голос 1

Пылало солнце в переплётках окон,
Как дальний отблеск боевых знамён.

*

Нас было трое.

Первый взлёт птенцов
Закончился глубинною разведкой.
Разведка дна прикинулась концом,
А море жизни показалось клеткой.

Голос 2

Сперва, стараясь в самом ясном свете
Сомнения свои преподнести,
Секретарю бюро на факультете
Читали мы крамольные статьи.
И фронтовик, партиец без упрёка,
Увидел в трёх студентах не врагов,

А просто не усвоивших урока
Горластых и крыластых петухов .
Готовя факультет к командировке ,
Он обещал , с прополки воротясь ,
Расколотить без всякой подготовки
И наши откровения , и нас .
И на суде , с честнейшими глазами ,
В защиту нашу произнёс он речь :
Мы шли к нему открыто , смело , сами –
Зачем же небегущего стеречь ?
В себе не усомнясь ни на минуту ,
Он всё-таки предположить не мог ,
Что нужно донести на нас кому-то ,
Чтоб петухов упрятать под замок .
Его не взяли . Но поскольку он
От наших матерей не отвернулся ,
Не каялся , не плакал , не согнулся ,
То был он после вуза обречён
Учительствовать в сельской глухомани
(С готовой диссертацией в кармане) .
Нас числили в политиках .

Однако

Наш переход в подполье начался
С блужданий по вселенной Пастернака ,
С прогулок в заповедные леса ,
А кончился ночной игрой в горелки ,
В "кольцо , ко мне" , оборванною вдруг

Без всякой, как ни странно, перестрелки
Доносом друга – доктора наук.
Мы в ребятишки доктору годились
И дружбой с ним отчаянно гордились.
В конце концов, с досадою неловкой,
Мы в "Деле" прочитали о себе,
Что были год подпольной группировкой,
Оперативно вскрытой УГБ...
Наш добрый доктор в лагерной трясине
Сам до того отгрохал десять лет,
Но не повис Иудой на осине,
А дочитал до смерти свой предмет
(О Герцене, О Фете, о Толстом).
Он не из силачей и не из выжиг,
Стал стукачом – поэтому и выжил.
И до кончины клал доносы в стол
Тому, кого боялся пуще смерти
И ненавидел до зубного зуда,
На тех, кого, хоть верьте, хоть не верьте,
Любил он, хлипкий сталинский Иуда...
Он двух ребят в помощники привлёк
(Тоски и страха тлеет уголёк
Доныне в тех обласканных беднях).
Все прочие из вызванных ребят
За нас стояли и теперь стоят –
В иных краях и новых передрягах.

*

Итак, безводным азиатским летом,
Учёбой и прополкой заняты,
Мы в творчестве опального поэта
Увидели бессмертия черты.
Мы перечли другого исполина,
Пока мела военная гроза,
И полночью, огромной и пустынной,
Вгляделись в неостывшие глаза.
Мы тысячи страниц перелистали, -
Нетленных глаз не опускал поэт, -
В учебниках, в поэмах, в "Капитале"
Искали мы разгадку и ответ.
Чтоб лучше видеть, мы пошли к истокам,
К дымящимся в пещерной тьме огням,
И ощупью, не доверяя строкам,
Вернулись к нашим непонятным дням.
Мы спорили по-птичьи голосисто,
Не понимая, что идём ко дну,
Чтоб детский спор отдать на суд чекисту,
Искавшему не правду, а вину.
В ночных ознобах, в казематах серых,
Один вопрос висел над головой:
"Какие положенья вашей веры
Расходятся с "Четвёртою главой"?
Полгода за уликами охотясь,
Перебирал усталый капитан
Бесстрашных лингвистических гипотез
Крамолу затемняющий фонтан.

Беднягу злил немилосердный почерк,
Разбросанные в обыске листки,
И, не хитря, в томительные ночи
Читали мы ему черновики.
Мы открывали, может быть, неловко,
Все ходы мысли, рвавшейся к добру,
Но он считал, что это маскировка,
Подозревал то злобу, то игру.
А мы себя не понимали сами:
Мы в море фактов, в океане книг
Следили удивлёнными глазами
За истиной, рождавшейся из них.
Она рождалась в том же кабинете,
Где следователь вёл ночной допрос.
Она стояла перед нами в свете
Тюремных дней и материнских слёз.
И в час, когда в тюрьме стихали шумы
И даже капитаном правил сон,
Мы проверяли собственные думы
Упрямей и придирчивей, чем он.

*

Свободным людям чужды наши беды:
На светлой воле зреющим умам
Грешно изобретать велосипеды
По второпях пролистанным томам.

А узнику в темнице и крупицы,
И тени истин, словно тени птиц,
Позволят в подозреньях укрепиться
И яд догадки выжать из крупиц –
Целебный, но смертельно горький плод
Бесправной мысли и её забот.

*

...Дабы не превращать стихи в трактат,
Осмелимся не приводить цитат
Из "Дела", на котором так беспечно
В графе "Хранить" набрали жирным:
"Вечно".

Гебисты в те глухие ночедни
С Бухариным и Троцким нас вязали.
Обидно: мы додумались одни,
А нам в приоритете отказали.
Узнать, что прецедентов были тьмы,
Нам довелось, вернувшись из тюрьмы.
Так и не понял следственный отдел,
Зубривший лишь "Вопросы ленинизма",
Что приобщил он к одному из дел
Классические догматы марксизма.
Ещё на всём лежал октябрьский флёр,
Ещё кумиры не распались пылью...
"Мы рождены, чтоб Кафку сделать былью,"
Вошло гораздо позже в наш фольклор.

Голос 1

Мы капитану, не хитря, вручили
Итог, не поколебленный тюрьмой:
Что нужно устранить первопричину,
И следствие уйдёт само собой;
Что не окончен подвиг капитала,
Пока границ последних он не стёр
Пока последний труженик усталый
Последний молот не швырнул в костёр.
Что, как бы миллионы ни решили,
Приказчик будет властвовать, пока
Не предоставят мудрые машины
Свободы человеческим рукам.
Что государство, созданное чистой,
Святой волной революционных гроз,
Есть только высший тип капиталиста,
Который всех соседей перерос.
Что здесь тесны одной страны масштабы,
И первым днём коммуны будет день,
Когда исчезнут армии и штабы
Из обновлённой памяти людей.
Что наше время даже не начало,
А выход на последнюю черту,
И только блеск далёкого причала
Искрится в завоёванном порту.
Что тяжелы неравенство и лживость,
Глухая праздность и толпа в нужде.

Что пошатнулась вера в справедливость,
В пути страны и в правоту вождей .
Что мы не можем ни идти вслепую,
Ни согласиться на плохой конец;
Что пущенная Маяковским пуля
Прошла сквозь миллион живых сердец! ..

Голос 2

Мы были непростительно умны,
Беспечны, бестолковы и туманны .
Для нас в ту пору не были темны
Любых тысячелетий океаны .
Мы обнимали разом целый мир
(В нем не было ни камеры, ни воли) ,
Измученный одной безмерной болью,
Сплочённый теснотой одной тюрьмы .
Мы утверждали : вой по-волчьи, грабя,
Спиной соседа заслоняй от гроз, -
Не спать тебе, пока Земной Корабль
Из этих вод не выведешь, матрос!

*

Но многое ли память сберегла
И многое ль могла она сберечь

О том, какие сети нам плела
Горячая, сбивчивая речь?
Обмолвка – и ряды наивных строк
Ощеривались, как могильный ров.
И варево из кривды и подмен
Готовила умелая рука...
А стены бреда, белого, как мел?
А оспины от пуль у потолка?..
Ключом о сталь – в одиннадцать отбой.
В сон – как на волю, в сон – как в облака.
Но снова – ключ, и снова – за тобой,
И снова – коридор, озноб, тоска.
Шалея от бессонницы и ламп,
Подписывали мы злоеший вздор,
Чтоб в камеру вернуться досветла,
А через час – подъём и коридор.
И до отбоя – под запретом сон,
И мы нескоро разберёмся в том,
Что нас, не повышая голосов,
Пытали на конвейере крутом.
Вносили передачу. Вместе с ней –
Два-три словечка маминой рукой.
И становилась камера тесней,
И таял бред, и снился покой.
Ты есть, ты рядом – значит, есть и мы.
Стоят твои кастрюльки – нет тюрьмы.

Голос 1

...А Родина, Советская земля,
Встречада немцев грудью Подмосковья
Ложился курс земного корабля
По нивам, обогрѣнным братской кровью.
И оживали правды всех времѣн
Под мѣртвыми солдатскими руками...

*

Пылало солнце в переплѣтах камер,
Как дальний отсвет боевых знамѣн.

Голос 2

Пройдут года, изменятся дороги.
За спины близких отойдѣт тюрьма.
Когда-нибудь торжественно и строго
На нас троих посмотрит давний май.
Высокий двор, и в нём греха и муки
Окованный стеною океан.
Со дня суда – впервые братьев руки,
И торжество, и жгучая тоска...
И сбивчивые, смятые рассказы
О первых впечатлениях пути,
И мысль о том, что не был ты наказан,
А призван видеть, мыслить и расти.

Был океан стеной тюремной скован,
Другой такой же бушевал у стен.
Окованный ни преступленьем новым,
Ни подвигом особым не блестел:
В нём не было ни пусто, ни темно, –
Он просто не вмещался в приговоре..

*

Мы вышли к людям, брошенным на дно,
И наша клетка оказалась морем.

Голос 1

Приговорён, беспечен и упрям,
Товарищ гнал быков ширококорых.
Текли через остроги по степям
Дымком не обогреты дороги.
Смотрел товарищ в даль дорог, слегка
Глаза туманно-серые прищурив,
Смотрел спокойным взглядом моряка,
Настороженным в штиль и ясным в бури.
А перед нами то курилась степь
И от трубы шарахались отары,
То в полутьме, в гудящей тесноте
Дышали люди и скрипели нары.

Под ноги стлалась жесткая трава,
Барханы начинали накаляться.
Конвойный телогрейкой укрывал
Свою винтовку, уходя купаться.
Солдат с войны, он с нами ел и пил,
И ненависть клыков не обнажала...

Голос 2

В глухой, безводной, каторжной степи
Не эта палка пленников держала.
Не ждали нас ни табор, ни шалман,
Ни паспорт заграничный, ни подполье:
Казённые каморки вдовых мам,
Вокруг – патрульно-псовое раздолье.
И если бы из малого кольца
Сыскали мы тропинки и проёмы,
Что нам сулила зона без конца,
Где тот же страх и те же костоломы?
Мы приползли бы на родной порог,
Несчастные затравленные звери,
И костоломы в им угодный срок
Открыли бы незапертые двери...

Голос 1

Барачная сменялась теснота
Тележным скрипом, предрассветной дрожью.
Каким-то чудом дикие места
К тюремному сходились бездорожью.
Садилось солнце, и товарищ слеп,
И, на плечо подруги нажимая,
Шагал к реке по сохнувшей тропе,
Беспомощно и тяжело хромая.
Он выходил на узкую тропу
И, забывая про тюрьму и раны,
Во мраке видел дирижерский пульт,
Как юнгою – неведомые страны.

Голос 2

Товарищ, где ты? Пережил беду?
И, если ты осилил все пороги,
Как я тебя увижу, где найду,
Матрос, Шопеном бредивший в остроге,
Когда по древним каторжным путям
В дневном жару, в предутреннем морозе
Брёл целиною Салтычихин театр
С большим руководителем в обозе?..

Голос 1

По этим трактам много лет назад,
Впивая ветер ослабевшей грудью,
Прищулив ослеплённые глаза
Шагали негибаемые люди.
Шли тяжело, но месяцы спустя,
В избе, в салоне, в комнате, в остроге
Припоминали ссыльные, грустя,
Суровые этапные дороги.
Припоминали за родную ширь,
За дым стоянок, за ночные шумы,
За постоянство собственной души,
За вёрстами испытанные думы. . .
По закаспийской буйной целине
Проходим мы и проходили деды.
Мы движемся за ними или нет?
Мы губим или множим их победы?
И, если губим, разве нам зачтут
Ребяческие отнятые строки?
А если множим – почему мы тут,
В текущем злыми трактами потоке?
От зоны к зоне пролагая след,
Кто мог ответить, как ни попроси я,
Идёт к огням Коммуны или нет
Воюющая, гневная Россия?..

Голос 2

Другой, куда коварнее, вопрос
Тогда ещё сквозь этот не пророс.

Голос 1

Нам предстояло думы испытать,
Как вёрстами испытывают ноги.
Играли трубы в каторжных местах,
На древней, как предание, дороге.
Натягивался занавес в тени,
Гремел оркестр под дулом револьвера.
Горели тускло зонные огни,
Пылала жарко молодая вера.
Дорога шла, как пыльная река,
Вдоль загородок плыл овечий топот,
Изрезанная шрамами рука
Лежала на плечах, как общий опыт.
И жизнь была короткой, как заря,
И связывало сердце всё прочнее
Ограду в самодельных фонарях
И волю бесконечную за нею,
И музыке послушную толпу,
И скованность, и ширь, и обречённость,
Степной, бескрайний, раскалённый путь
И страстную, короткую сплочённость..

* * *

Моим двум солдатам

Голос 1

А в это время через смертный гул
Ты нёс свои солдатские ожоги .
Кровь младшего дымилась на снегу
Не на моей, а на твоей дороге .
Бесстрашный, малословный и прямой,
Уже стоял над шахтою бездонной
Бестрепетный солдат, ровесник мой,
Мальчишка из посёлка Краснодона .

*

Он спит, уткнувшись в тёплые колени,
В походной фляжке стынет молоко,
На миг от мягких греющих движений
Ему во сне становится легко .
Но сон дрожит, и в зыбкие виденья,
Последние минуты омрача,
Мертвящей сталью входит пробужденье,
Как поворот тюремного ключа .
И вот он вырван из кольца любимых,
Готовых заслонить от смерти рук,
И в сердце входит боль неотвратимых,
Короткой жизнью предречённых мук .

Могли мы удержать его? Могли бы?
В крутом дыму солдатская тропа...
Уносит поезд мальчика на гибель
По чёрной цепи просмоленных шпал .
Он слишком был дорог для доли солдата
Семье и своей самозванной солдатке .
Насмешливый мальчик в счастливом когда-то
На школьной скамейке оставил тетрадки .
Он вышел из дома, открытый и жадный,
В нём пели призывно упрямство и властность,
И яркое платье его ненаглядной
Летело к нему сквозь апрельскую ясность .
И даже бомбёжки, и даже разрывы,
И ужас прохожих, и взвизги сирены
Голодных волчат наполняли счастливым,
Широким, как жизнь, ожиданием смены .
И были дома, и концертные звуки,
И сам он, бросающий сердце в атаку,
И плащ на скамейке, и губы, и руки
Полны до краёв, как стихи Пастернака .
Новеллы Олеши и древние греки,
Открытки друзей и стихи фронтовые,
Садов зацветающих пенные реки
Бегущие с гор на кварталы прямые...
И пали в атаке упрямство и властность,
И нежности нежность открылась навстречу...
Смешливые, детские, страстные речи,
Высокой души беззащитная ясность...

* * *

Мальчик спит, как дома, на кровати с сеткой, -
Ни одной дороги, ни одной могилы...
Не пробудь там долго, не пиши нам редко,
Пусть на всё, что надо, сердцу хватит силы.
Если станет больно, ты заснешь глубоко,
Будет в тихой дрёме, меж людьми чужими,
Так легко, как дома, возле школьных окон,
Так светло, как в школе, где дружил с любимой.
Будешь снова с нами, боль твоя утихнет,
Отшумят дороги, отойдут могилы.
И сквозь даль и камень сердце мамы вспыхнет,
И заснёт навеки рядом юность милой.
Мальчик спит, как дома, на кровати с сеткой, -
Не хватило сердцу на дорогу силы.
И, расставшись с веткой, по небу пустому
Над холмом могильным вьётся юность милой..

*

Нет никого, никого, никого,
Горит барак тифозный.
Двое шли одной дорогой, -
Друг, не будь серьёзной.
Дважды, дважды, дважды, дважды
Ты была солдаткой.

Две души дружили в каждой,
Как рука с перчаткой.
Нет никого, никого, никого...
Горит барак, и жутко...
Двое шли одной дорогой...
Не рыдай над шуткой...

* * *

Солдатскую сумку бросают в поток.
Скользит по степи уцелевший листок.

*

Сначала пески под ногами горят -
В монгольские степи уходит солдат.
Шатает тоска необученный взвод.
То мать, то любимую сердце зовёт.
Одна - не услышит. Борись и терпи.
Схоронена юность в горючей степи.
Солдат закалился в пустынных песках,
И твёрдостью стала глухая тоска.
И вот за спиною отчизна горит,
Подруга ему о другом говорит:
"Он дольше был дома, он молод и слаб,
Я всю нашу силу ему принесла.
Упрямую силу, твою и мою,
Он выстоять должен в смертельном бою."

Я знаю, что горе тебе по плечу.
Я злою судьбой за тебя заплачу.
Мы выстоим, милый, мы встретимся, брат".

*

Над ранней могилою травы горят.

* * *

Евгению Пакулю

Голос 2

У нас есть дети. Мы идём вперёд,
Борясь за них, мужая и старея.
А тех, бессмертных, старость не берёт,
Не задевая, обегает время.
Двадцатилетний, ты мне сын давно,
А я, как прежде, возле школьных окон,
Твоей судьбой оправдана жестокой,
Стою – и ничего не свершено.
Ты сомневался так же, как и я,
Ни осудить, ни оправдать не смея.

Моей могилой быть могла твоя,
А камера моя - твоею.
Где ты лежишь? В какой сухой траве?
Мне не нужны ни молодость, ни слава:
Всё, что осилю, - юности твоей,
Взамен меня ушедший на расправу...

*

Товарищи далёкого рассвета!
Нельзя забыть о первой встрече рук,
Но вашего безвестного поэта
Не заслонить нежнейшим из подруг:
Я лучше ваших милых знаю, кто мы,
Поняв истоки наших черт и бед.
В тюрьме и в школе, на войне и дома
Мы все близки в своей мужской судьбе.
И если бы сквозь стены и сквозь вьюгу
Прорвались вы подругу навестить,
Не стали б мы сердиться друг на друга
И милых убедили б не грустить.
Товарищество, твёрдое, как камень,
Оправданное встречей слово "брат",
Как небосвод, стояли бы над нами,
Над болью отклонений и утрат.
Нам стало б слишком ясно в этот вечер,
Что можно возратить - что не вернуть,
Что можно изменить - что нет и нечем,
Как снилась жизнь и как проложен путь.

Теперь бы каждый трезво и открыто
Прочёл судьбы и века приговор
И повторил бы имена убитых,
Которых не изменит ничего...

*

Голос 1

...И вот, увидев всю невероятность
Земного рая в мировом аду,
Уйдя из жизни и придя обратно,
Я остаюсь во власти прежних дум.
Я вижу беспощадное единство:
Весь шар земной на общность обречён,
И от неё нельзя отгородиться
Ни клеткой, ни границей, ни ключом!
Солдаты шли на гибель ради всех,
Не рукописи – города листая,
А мы зарылись в книги, вьще ставя
Свободу мысли, чем её успех.
Как искупить отступничество сына –
Игру ума, дерзнувшего играть
Перед лицом железной дисциплины
Дивизий, уходящих умирать?

Голос 2

А может быть, в любые времена
У мысли есть незыблемое право
Не преклонять пред силой знамена
И от разгадки не бежать лукаво?
И где бы ни работала: в кольце ль,
В тылу ли уходящих в битву гвардий,
Она для всех нащупывает цель –
В далёком или близком арьергарде?

Голос 1

Нет, нет и нет! Равно вели к измене
Все кривотолки в тот смертельный год,
Когда на пытку шел Сергей Тюленин
И поднимал Маресьев самолёт!
Борцы бессмертны. Пали тени
На краснодонские поля.
В крутом дыму Сергей Тюленин
Встречает "Красных дьяволят".
Тихонько шевельнув усами,
Спасённый полк позвав вперёд,
Рукой отеческой Сусанин
Склонил Матросова на дзот.
К дверям приказного сарая
Прижав упрямое плечо,

Неукротимого Чапая
Ждёт не сдаваясь Пугачёв.
И Пётр, войдя в большую рубку
На штурм плывущего Кремля,
Взял в зубы сталинскую трубку,
Сменяя вахту у руля.
Глаза народа не сомкнутся.
Корней ветрам не потрясти,
И никогда не разминутся
Его заступников пути!

Голос 2

Мы не могли не думать, как не жить,
Но спорили и с сердцем, и с глазами.
Сомнения, как острые ножи,
Израненную совесть истязали.
С каким упорством, в жажде оправдать,
Облагородить, обелить, украсить,
Твердили мы, что правильно, что да,
Что нужно было нас обезопасить...

Голос 1

Что надо было вырвать нас из нор,
От ветра ограждённых толщей окон,

И бросить нас на гребень и на дно
Людского неуёмного потока,
Дать в руки нам не ручку, а кирку,
Отнять у нас привычные излишки,
Поставить нас лицом к ученику,
Отчаянному сельскому мальчишке.
Позволить лечь под пулями врага
Миллионам дорогих народу жизней,
Чтоб мы узнали, чем пренебрегать
Приходится воюющей отчизне:
Пренебрегать любимыми детьми,
Пренебрегать высокими словами,
Пренебрегать жестокостью тюрьмы,
Пренебрегать законными правами.
И даже правотой пренебрегать,
Чтоб, силой утвердив свою сплочённость,
На всей земле искоренить врага –
Проклятую людскую разобщённость!

Голос 2

Звучала эта сбивчивая речь
На всех кострах, во всех углах острога.
Так иудей оправдывает Бога,
Влекомый роком в лагерную печь.
Такой огонь с детсада в нас горел,
В такие нас запеленали латы,

Что подвести под эти постулаты
Могли бы мы и собственный расстрел!
Но сердце бунтовало против книг
И клало постулаты на лопатки.
Нас мучили греховные догадки,
И красный Рим под их напором ник.
Мы не могли (и не сумели впредь)
Не понимать, бредя по бездорожью,
Что правда не живёт такую ложью,
Что доброта не может так звереть.
И, чувствуя, что вера отомрёт,
Как только разум доводы добудет,
Смотрели мы вперёд, вперёд, вперёд –
В грядущее, которого не будет...

Голос 1

Мне снится сон в моей тоске великой:
Нет на земле усталых городов
И поясом от моря к тундре дикой
Один построен бесконечный дом.
И мы идём по светлым коридорам,
По лестницам, по комнатам кружим
И узнаём всех тех, кто был нам дорог,
Кто много испытал и мало жил.
Приходит ночь, и слышит дом по звуку:
Летят моторы на его маяк.

И все спешат подать друг другу руку,
И это больше, чем одна семья.
Они с машин спускаются по трапам,
Они цветы бросают и поют.
А я тоску наборов и этапов
Сквозь радость их свиданий узнаю.
Мне кажется, что ад и рай похожи.
Я помню: там, на мрачном дне мирском,
Был круг друзей нам отдыха дороже,
И перед этим отступала скорбь.
Я вспоминаю: сквозь угар и ругань
Каким теплом дышала ночь тюрьмы,
Когда уже простившегося друга
С этапа возвращали в клетку – в мир! ..
Как мы мечтали, друг на друга глядя,
О радости для близких, о ходьбе,
О дружбах без разлуки, о тетрадах,
"О синей воле, о самом себе".
Отдавшим дом, привыкшим к смене бедствий
Шагающим в закованной толпе,
Как нам близка была свобода детства,
Не знающего никаких цепей! ..
Грядущий миг был вьюгою окутан,
А мы с такой безумной простотой
Делили все свободные минуты
Между любовью, дружбой и мечтой.
И нас не разобщили, а сплотили
Все муки ада только потому

Что даже в арестантском коллективе
Живёт прообраз будущих коммун!

Голос 2

Живёт. Давно. С Платоновых времён:
Прообраз - Образ - Оборотень - Сон.
К себе одним взыскательны и строги,
Не ведали слепые простаки
Убийственной иронии строки,
Связавшей фаланстеры и остроги.
Ведь мы-то их вязали не шутя,
Не каторге, а дружбе дань платя.
Сторонний слух тому поверит, нет ли, -
Но был детьми с собой из ада взят
Не смертный холод вдруг ослабшей петли,
А дружбы взгляд, родной до гроба взгляд.
Лишь потому, что дружбы чистый голос
Звучал везде, куда судьба вела,
Под топором душа не раскололась
И чёрными тех дней не назвала.
Ах юность, юность, птица-небылица,
Из каторжного края отзовись!
Как в зеркала, глядясь в чужие лица,
Ты тянешь мир на хрупких крыльях ввысь.
Ты тянешь ввысь - и корчишься в низине,
Зовёшь на подвиг - и теряешь честь!..

Сыщи тетрадь под тряпками в корзине,
Как написалось, так посмей прочесть! ..

Голос 1

Как написалось?

...Правда злобу сломит,
И будет мир непостижимо тих,
И люди смогут в просветлевшем доме
Порядок долгожданный навести.
Потомок мой! У светлых стоя окон,
Жестокое свидетельство прими.
Открой дорогу этим горьким строкам
В нам не суждённый лучезарный мир.
Хотелось нам войти в него до срока,
В сумятицу границ, углов и крыш
Перенести огромность ваших окон
И ваших комнат солнечную тишь.
Хотелось нам дышать и петь привольней,
И, поступаясь жестокостью борьбы,
Мы с вашей лучезарной колокольни
Смотрели на мучительную быль.
И с вашего высокого порога,
С его ступеней, солнцем залитых,
Судили мы придирчиво и строго
Вождей и современников своих.
Вам пригодится наша нетерпимость
И сбережённой искренности мощь.

Ведь и тогда, когда в родной степи нас
Конвой стерёг и сёк песчаный дождь, –
Мы были с ней, вскормившей и вспоившей,
Которой только проклятые лгут,
Своим судом неправедным судившей,
Своей Победой оправдавшей суд!
Даруй, судьба, у стен родного дома
Нам за неё и головы сложить..
Так не прощай же никому, потомок,
Ни трусости, ни жадности, ни лжи!
В бою солдат не мог остаться чистым,
Но ты обязан там, в конце пути,
С обугленной шинели коммуниста
И кровь, и грязь, и копоть соскрести!
Чтоб всё сверкало в нашем Общем Доме,
Чтоб это был любви и правды дом!
Тебя ничто не свяжет и не сломит:
Ни жалость, ни насилие, ни долг.
А если враг, забыв веков науку,
В твоём доме рискнёт мешать тебе, –
Мы из могил тебе протянем руку
В последней завершающей борьбе! ..

Голос 2

Легко ль терпеть неправедную власть?
Но, если не терпеть ещё труднее,
Мы эту власть разукрашаем всласть,

Мы в неизбежность возведём напасть,
И совести полегшает под нею.
Уйдя из жизни и придя назад,
Писали мы об утвердившем ад:

Голос 1

О старый вождь! У нас с тобою счёты,
Которые не закрывает смерть.
Но смолкла славословий трубных медь,
И только мы сегодня помним, кто ты.
На веру мы тебя не приняли,
Стальной узде без дум не покорились,
Недаром рубежи родной земли
Этапною дорогой нам открылись.
Но чем тяжелее становилась жизнь,
Чем многозвучней в ней гремели встречи,
Тем было нам яснее, что сложил
Ты на свои стареющие плечи.
Ты твёрдо знал: народ тогда могуч,
Когда его стальные вяжут нити,
Когда на штурм неодолимых круч
Его ведёт испытанный водитель!
С пустыми мелочами не борясь,
Ни ропоту, ни стонам не внимая,
Он держит курс, и всех маневров вязь
С ним во главе – кратчайшая прямая!
Он высоко – и смотрит с высоты,
Пронзая ночи соколиным глазом:

Сам назначает в караул посты,
Сам приучает армии к приказам.
Толпе не всё доступно. И привык
Вождь перед ней отечески лукавить, –
Сперва во имя блага рядовых,
Потом – чтоб было легче ими править.
И так успел уверовать народ
В непогрешимый правящего разум,
Что на три поколения вперёд
Связал свой долг с полученным приказом.
Привыкший подчиняться не судя,
Он не спросил с явившихся на смену
Ни за обожествление вождя,
Ни за измену памяти священной.

– Ура, наш царь!

Безмолвствует народ.

В молчании его неодолимом
Сквозит какой-то грозной мысли взлёт...
Но нынче речь не о живом и зримом.
Перед живым – далёкая тропа,
И впереди суда мирского право.
А за ушедшим занавес упал,
И стих звучит как реквием и слава:
Ушедший, будь прославлен на века
За то, что, оседлав коня шального,
Ты вёл его вперёд наверняка,
Не отпуская повода стального.
Ушедший, перед будущим ответь:
Не ты ли, усыпив народный разум,

Нас научил, в свою не веря смерть,
Не рассуждать, а следовать приказам?
И вот они чернят твои дела,
Пресечена законная кручина,
И на челе народа залегла
Ещё одна глубокая морщина.
Мы ж, и бунтуя, верили тебе,
И, как твоя десница ни давила, –
Ты не упустишь главного в борьбе,
Учила жизнь, и нам не тяжело было.
Твоя рука упала с наших плеч.
Теперь прощай. Суровым быть не надо.
Не нам, так нашей молодости лечь
В могилу суждено с тобою рядом.
Какие бури отошли с тобой!..
Забудь же нам обиды в час прощанья,
Как мы тебе – и одиночек боль,
И муку добровольного молчанья.
Мы встретимся в достроенном дому,
И, выслушав без гнева эту повесть,
Ты нас представишь внуку своему
Как смутных дней придирчивую совесть.
И в будущем, где жизнь забьёт ключом
Сегодня нам заказанной отваги,
Мы двинемся вперёд к плечу плечом,
Лежащие в земле и в саркофаге!..

* * *

Современникам

Простите нам, родные и друзья,
Грех этих строк, но разве ложь уместней?
Так долго это было нашей песней –
Из песни слова выкинуть нельзя.
Капкан разжался. Жизни полнота
Чуралась риска и страшилась ада.
Но – словно тень летящего листа –
Минувшее кружило где-то рядом.
Как слух закрыть для горестных вестей?
Ведь если ров, то на пути детей! ..
Что впереди: спасенье или тьма?
В решении вопроса рокового
Так и не стала доводом тюрьма:
Мы знали, что в начале было Слово.
Нас горячей, чем в отрочестве, жгло:
Ученье – это Светоч или Зло?
Смысл откровенья злобно искажен
Иль был он изначально миражом?
Казалось, нами выплачен оброк,
И пусть другие мчат на красный свет,
Но, оказалось, избавленья нет
И нас судьба не выпряжет из дрог.
Мы не хотели. Мы сопротивлялись.
И таял круг, и спутники сменялись.
Но, как мы ни крепились, в некий миг
Забил крылами неотвязный петел:

Мы начали проверку с тех же книг,
С которых начинали на рассвете.
Мы снова открывали каждый том,
Как в доме собственном мы открываем окна.
И стоил смертной горечи урок нам,
Когда, перекопавши все пласты,
Несметные перелистав страницы,
Увидели: они пустым пусты,
Как ворами разрытые гробницы.
Тогда, по зову Клио, в шуме дня,
Последняя пришла метаморфоза:
На склоне лет покинули меня
Мои стихи – рифмованная проза.
Быть может, мне, приговорённой **звать**,
Досуга не хватило рифмовать.
Но вероятен и другой ответ:
Не всякий стихотворец есть поэт.
Отныне всё, что чёрпалось из книг,
Чем друг делился от щедрот своих,
И всё, что было понято самой,
Ложилось в текст, бесхитростно прямой.
И мне теперь за мёртвых и живых
Твердить своё, пока теплы уста,
Не ведая, где я, друзья, где вы,
Чья грудь в крестах, чья голова в кустах.

* * *

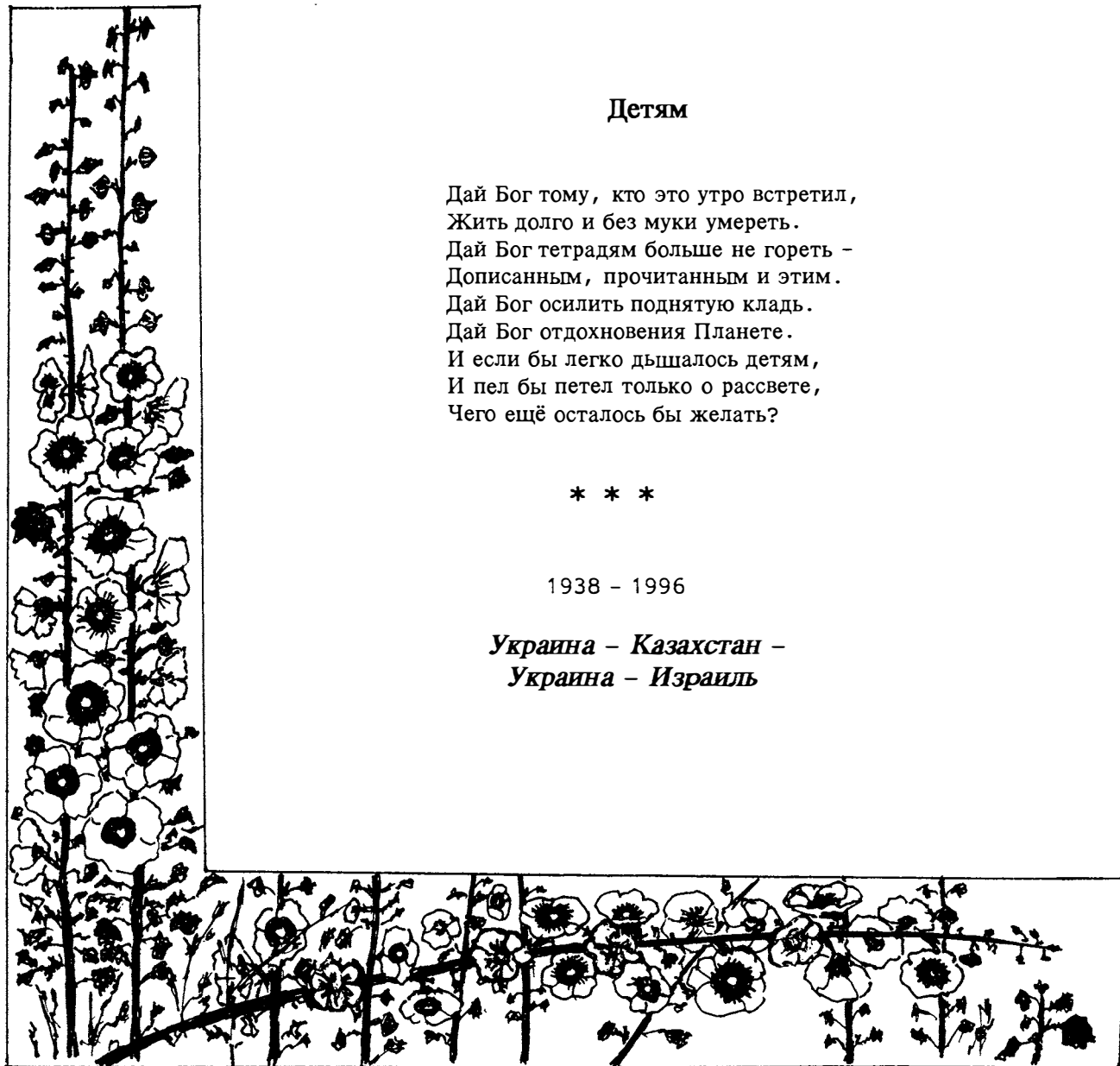
Детям

Дай Бог тому, кто это утро встретил,
Жить долго и без муки умереть.
Дай Бог тетрадам больше не гореть -
Дописанным, прочитанным и этим.
Дай Бог осилить поднятую кладь.
Дай Бог отдохновения Планете.
И если бы легко дьшалось детям,
И пел бы петел только о рассвете,
Чего ещё осталось бы желать?

* * *

1938 - 1996

*Украина - Казахстан -
Украина - Израиль*

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕСНИ О ДРУЖБЕ

Друзьям запорожского детства	6
Зинько Рыбаку	8
"Хранятся для двоих страницы светлых книг..."	10
"В земле, в тюрьме и на всех дорогах..."	11
"От тоски заслоняя солдата..."	12
Рин-чин-чин	13
"Я хочу тишины за стеной..."	15

СЛОВО О СЛОВЕ

"С давних пор ни грошем не рискуя..."	17
В. Дудинцеву	18
Борису Слуцкому	20
"Все мечтаю: найду машинистку..."	24

"Когда из общего страдания..."	26
"Когда срывались от оваций..."	29

СКАЗКА - ЛОЖЬ, ДА В НЕЙ НАМЕК

Сага о Мастаке	32
Бродячий сюжет	37
"Его Величество Анекдот"	42
Ода анекдоту	43
Песенка о выезде	45
Дважды два	46
Плач о первопечатнике	48
Последняя лирика	50
"Далекий, мятежный, тяжелые брови..."	51
Прощание	52
Матери	54
"Потоком резким бьет из окон..."	55

ЯКОВИНСКИЕ МОНОЛОГИ

Моей Матери	57
В. Евстифееву	58
Кларе	59
Братьям	60
Владимиру Гольденбергу	62
Друзьям детства и юности	65
Современникам	114
Детям	116